

О. В. Осипова

ОБРАЗ ПОЭТА В ДИАЛОГЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И А. БЛОКА

*Работа представлена кафедрой русской и зарубежной литературы
Стерлитамакской государственной педагогической академии.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Беглов

Статья посвящена проблемам диалогизма в словесном искусстве. В центре внимания автора – диалог М. Цветаевой и А. Блока, источником которого становится образ поэта. Основу анализа составили такие моменты, как избранничество гения и его одиночество, преломление в образе птицы, а также архетип ребенка, определяющий первичную схему образа поэта.

Ключевые слова: диалог, образ поэта, одиночество, образ птицы, архетип.

The article is devoted to the problems of dialogism in verbal art. The author focuses her attention on the dialogue of M. Tsvetaeva and A. Blok, an image of a poet being its source. The base of the analysis consists of selectness of a genius and his/her solitude, refraction in the image of a bird and also an archetype of a child, determining the initial scheme of a poet's image.

Key words: dialogue, image of a poet, solitude, image of a bird, archetype.

Идейное и художественное своеобразие произведений того или иного автора определяется в первую очередь его творческой концепцией, содержание которой во многом обусловлено образом поэта. И здесь формирующими становятся принципы творчества, взгляды на сущность дарования и предназначение поэта, характерные черты преломления образа, а также его архетипические основы.

Следует отметить, что изначально лирика монологична. Этот монологизм во многом определяет творчество поэтов Серебряного века, для которых характерно осознание демиургической природы художника, ибо он является творцом иной реальности. При этом, сами того не подозревая, поэты вступают в диалог, так как, ощущая необходимость разобраться в том, что есть человек, приходят к образу поэта, объединяющему в себе все человеческое. Только поэт способен говорить с Богом и с высшими силами, быть связью веков и поколений, ощущать себя «сплошной совестью».

А. Блок и М. Цветаева продолжают в своем творчестве давнюю традицию обращения к образу поэта, традицию, идущую из глубины веков. Специфика их представлений, безусловно, определяется эпохой и особенностями мировосприятия. Каждый из них создал свой неповторимый образ поэта, но при этом эти образы имеют определенные точки соприкосновения, как и у большинства художников слова XIX и XX вв.

Для творчества многих поэтов характерно указание на тотальное одиночество гения. По мнению В. А. Масловой, «это связано с особым устройством души поэта, который чувствует свою «особость», а убеждение в поэтическом избранничестве усиливает чувство одиночества»¹.

Марина Цветаева рано осознала свое избранничество, свою особость и, как следствие, обособленность. Уже в ранних сти-

хотворениях подчеркнута уникальная восприимчивость ее поэтической души, способной запечатлеть мимолетное. «Моя душа – мгновений след...» – пишет она. Попытки преодолеть одиночество, сравниваемое с круглым сиротством, лирическая героиня Цветаевой предпринимает по отношению к другим одиноким людям, но не просто одиноким, а потерянными в равнодушном мире. В цикле «Стихов к сироте» Цветаева пишет:

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал...
Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговую порукой сиротства, –
Одинокством – круглым моим!²

[«Обнимаю тебя кругозором», II, 338]

Поэт одинок среди людей, даже если окружен толпой, ибо высоко поднялся над ней. Толпа – носитель преходящих ценностей, поэт – вечных, и этим обусловлено его одиночество.

А. Блок рисует образ поэта, стоящего перед выбором пути. Этот поэт также одинок и изгнан, но его ждет прозрение, ему должно привидиться будущее:

Поэт в изгнании и сомненьи
На перепутьях двух дорог...
Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему³.

[«Поэт в изгнании и сомненьи», 33]

По мнению Л. А. Смирновой, главный признак поэта для А. Блока – чувство пути⁴. В это понятие вкладывается емкое содержание: «подступы к истине, их сложность и противоречивость, способность преодолеть трудности и найти нужное направление»⁵. Лирический герой Блока в связи с этим говорит о себе: «Медленно, тяжело и верно / Мерю ночные пути».

Сквозной у А. Блока, как и у М. Цветаевой, становится мысль о грустной участи поэта в этом мире быть непонятым:

Все равно все пройдет,
Все равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня...
[«Было то в темных Карпатах», 259]

Если у М. Цветаевой одиночество поэта чаще связано с непризнанием его окружающими, то поэт у Блока порой сам противопоставляет себя толпе:

Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.
[«Пока спокойною стою», 32]

Душа поэта согрета в этот момент поэтическим даром, и он не так остро ощущает свое одиночество. Даже когда у Блока появляется образ одинокого, дряхлеющего поэта, в какой-то момент слабости проклинаящего «миги своих пророческих стихов», этот поэт все же продолжает противопоставлять себя толпе и ее пошлости:

Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!
[«Когда я стал дряхлеть и стынуть», 87]

Стареющий поэт осознает конечность своей жизни и понимает при этом, что пошлость толпы бессмертна. Но окружающий мир поэта не всегда ограничивается пошлой толпой, ибо не один пошлый человек не исчерпывается своей пошлостью. Даже если физическая жизнь поэта конечна, его творческое бытие навсегда останется в вечности. Именно поэтому поэт, по Блоку, должен «увековечить все сущее» и «вочеловечить безличное», чтобы запечатлеться своей светоносностью в памяти других людей:

Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!
[«О, я хочу безумно жить», 203]

Таким образом, одиночество поэта – это одиночество избранника, утверждающего вечные ценности. Но оно не грозит статичностью и замкнутостью, а, напротив, ведет

к более глубокому постижению мира, восхождению к духу.

Преодоление одиночества поэты находят в творчестве. Сущность поэтического творчества, по мысли М. Цветаевой, безгранична: «Поэт издали заводит речь – поэта далеко заводит речь...» М. Цветаева признавала, что призвание поэта несовместимо с дольным миром, от обычных людей его отличает «крылатость». Образ крылатой души порождает в нашем сознании образ птицы. Для Цветаевой символом поэтического мастерства выступают стихия огня и птица Феникс, которая сгорает и затем вновь возрождается из пепла:

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.
[«Что другим не нужно – несите мне», I, 424]

Миссия поэтов, по Цветаевой, заключается в том, чтобы быть гласом Божиим на земле, и в этом видна ее преемственность по отношению к другим поэтам XIX и XX вв.:

Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!
[«Что другим не нужно – несите мне», I, 424]

Характерно, что и в своей прозе Цветаева называет жизнь и творчество поэта самосожжением: «Герострат, чтобы прославить имя свое, сжигает храм. Поэт, чтобы прославить храм, сжигает себя» [«Поэт о критике», V, 288].

Если себя Цветаева ассоциирует с Птицей-Феникс, то другие поэты по ее видению тоже крылаты и часто выступают в образе лебедя. В стихотворении «Разлетелось в серебряные дребезги...» лебедь является преломлением образа поэта (стихотворение посвящено поэту Осипу Мандельштаму):

Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?
[«Разлетелось в серебряные дребезги», I, 255]

В цикле «Стихов к Блоку» Цветаева также представляет поэта в образе лебедя и подчеркивает его крылатость:

А над равниной –
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
[«А над равниной – Крик лебединый», I, 295]

Падай же, падай, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
[«Други его – не тревожьте его!», I, 295]

Изображение поэта в образе лебедя во многом объясняется связью с мифологией, где «образ лебедя выступает как символ поэта, певца и высоты поэзии. Эта символика в своей основе связана и с представлением о способности души странствовать по небу в образе лебедя, выступающего как символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства, но и смерти»⁶.

По А. Блоку, гениальность поэта истекает из удивительного дара уловить все перемены в духовной атмосфере своего времени и до глубины прочувствовать их в самых сокровенных переживаниях. Эта идея находит свое яркое воплощение в образе птицы Гамаюн в стихотворении «Гамаюн, птица вещая»⁷:

На гладах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
[«Гамаюн, птица вещая», 30]

Гамаюн – по славянской мифологии вещая птица, посланник богов, их глашатай, поющий людям божественные гимны и предвещающий будущее тем, кто умеет слышать тайное. Услышать и понять ее способен поэт-пророк, вся сущность которого, как и сущность птицы Гамаюн, проникнута любовью к Родине и к людям. Творческий и личный миры А. Блока полны отзвуков его времени. Неслучайно Владимир Орлов писал о поэте: «Блок сам стал Гамаюном России, ее вещим поэтом, предсказавшим «неслыханные перемены», изменившие весь облик нашего мира»⁸.

Преломление образа поэта в образе птицы, таким образом, не случайно, оно выражает идею восхождения к горнему миру, идею полета.

Для выявления источников диалога М. Цветаевой и А. Блока важно также определить, какой архетип лежит в основе созданных ими образов поэта.

«Архетипы – это своего рода знаки самоидентификации элементов внутреннего мира литературного произведения»⁹. У Юнга «понятие архетип означало первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в мифах, в произведениях литературы и искусства»¹⁰. Тайна воздействия искусства, по Юнгу, состоит в особой способности художника почувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих произведениях.

М. Цветаева всех людей делила на поэтов и не поэтов. Для нее, как уже отмечалось, поэт – связующее звено между миром людей и горним миром, он выступает пророком высших истин. По мнению В. А. Масловой, «ее представление о поэте совпадает с образом нищанского сверхчеловека – гения, одареннейшей личности, свободной в творчестве и ответственной за его результаты. Архетип поэта в ее представлении связан с архетипом ребенка, ибо они тождественны по способу объяснения мира: «очарованный стихией» поэт, творящий собственный мир, подобен ребенку, живущему в мире собственных фантазий, мифов и «снов наяву»¹¹.

Некоторые грани архетипа ребенка, лежащие в основе образа поэта, находим и в ряде стихотворений А. Блока. В стихотворении «Девушка пела в церковном хоре...» ребенок единственный, кто знает горькую правду будущего. В стихотворении «Голос из хора» одним из тех, к кому обращается поэт, является дитя. С одной стороны, «в слове «дитя» актуализируется значение – наивное, не знающее и не умеющее предвидеть, искреннее, не закаленное, беспомощное перед ложью и коварством»¹². С другой стороны, «авторское зрение – тоже по-своему детское – искреннее до жестокости, беспощадное, яркое – настоящая

детская фантазия, воплотившийся в стихи детский страх»¹³:

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы, и я:
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

[«Голос из хора», 198]

Поэт переживает мрачное будущее вместе с поколениями будущих людей, соучастником бытия которых он себя ощущает.

Таким образом, А. Блок и М. Цветаева создают в своем творчестве уникальные и неповторимые образы поэтов. Характерными чертами соприкосновения этих образов становятся одиночество и мессийность гения, творческий порыв и полет к горнему миру, преломление в образе птицы и архетип ребенка как первичная схема образа. Выделение и анализ данных черт дает нам основание говорить о поэтическом диалоге М. Цветаевой и А. Блока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маслова В. А.* Поэт и культура: Концептосфера М. Цветаевой: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 15.

² Здесь и далее цит. по кн.: *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т./ Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. Указываются название стихотворения, номер тома и номер страницы.

³ Здесь и далее цитаты приводятся по кн.: *Блок А.* Поэзия. Драммы. Проза. М., 2003. В скобках после текста указываются название стихотворения и номер страницы.

⁴ Мифу о пути в творчестве А. Блока посвящены капитальные исследования Д. Е. Максимова и З. Г. Минц.

⁵ *Смирнова Л. А.* Блок и его связи с русской литературой начала XX века // *Художественный мир А. Блока.* М., 1982. С. 5.

⁶ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 41.

⁷ Данное стихотворение Блок написал под впечатлением от картины В. М. Васнецова, на которой была изображена сказочная птица-вещунья Гамаюн.

⁸ *Орлов В. Н.* Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая. М., 2001. С. 8.

⁹ *Беглов В. А.* Актуальные вопросы теории литературы и поэтики: Учеб. пособие: В 2 кн. Стерлитамак: СГПА, 2007. Кн. 1. С. 46.

¹⁰ *Аверинцев С. С.* Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 110.

¹¹ *Маслова В. А.* Указ. соч. С. 80.

¹² *Алексеева Л. Ф.* А. Блок и русская поэзия 1910–20-х годов: Учеб. пособие. М.: МПУ, 1996. С. 18.

¹³ Там же.